

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

ОБЪЯТЬ НЕОБЪЯТНОЕ: О ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПОИСКАХ, НАХОДКАХ И ПОТЕРЯХ

НОВАК Петр – д-р филос. наук, профессор Белостокского государственного университета (Польша), сотрудник департамента современной и социальной философии при кафедре философии и этики на факультете истории и социологии, заместитель главного редактора философского журнала «Кронос». E-mail: nowakub@gmail.com

***Аннотация.** С конца сороковых годов прошлого века до 1989 года, который у многих читателей в Польше ассоциируется прежде всего с отменой цензуры, выдающиеся произведения литературы, философии и иные научные труды издавались неохотно и в высшей степени избирательно. Даже сегодня мы по-прежнему стараемся компенсировать те пятьдесят лет коммунистической засухи. Лавина книг, достойных внимания, выплывает на тесно заставленные книжные полки в наших домах прямо пропорционально растущему кризису грамотности и инфляции образования. Однако покупка книг и их чтение – далеко не одно и то же. Поэтому современное общество можно разделить на две части в зависимости от того, как люди относятся к книгам. С одной стороны расположится читающее меньшинство – все те, кто читает постоянно, одержимо, непрерывно; с другой же – статистическое большинство тех, кто к книгам вообще не прикасается или же берет их в руки только тогда, когда собирается их купить. В этой статье рассматривается вопрос о последствиях феномена не-чтения книг для культуры. Автора интересует проблема отказа от чтения в широком ее значении. В статье обсуждаются всевозможные разновидности этой проблемы.*

***Ключевые слова:** Байяр, чтение, память, культура, Агамбен*

Без цензуры

С конца сороковых годов прошлого века до 1989 г., который у многих читателей в Польше ассоциируется прежде всего с отменой цензуры и концом террора четырех черточек [— — —], выдающиеся произведения литературы, философии и иные научные труды издавались неохотно и в высшей степени избирательно. Мне кажется, что даже сегодня мы по-прежнему стараемся – неуклюже, кое-как, на скорую руку – компенсировать те пятьдесят лет коммунистической засухи. Лавина книг, достойных внимания, выплывает время от времени на тесно заставленные книжные полки в наших домах, можно сказать, прямо пропорционально растущему кризису грамотности и инфляции образования. Однако одно дело – покупать книги или копировать на ксероксе пару страниц перед эк-

заменом и совсем другое – эти книги читать. Поэтому современное общество можно разделить на две части в зависимости от того, как люди относятся к книгам. С одной стороны расположится читающее меньшинство: все те, кто читает постоянно, одержимо, непрерывно; с другой же – статистическое большинство тех, кто к книгам вообще не прикасается или же берет их в руки только тогда, когда собирается их купить, – *tertium non datur*, третьего не дано. В таких условиях кажется бесспорным, что вопрос: «А ты читал...?» – так же нетактичен и невежлив по отношению к первой группе, как и ко второй. (А уж вопрос: «Читал ли ты мою последнюю книгу?» – наверняка граничит с невоспитанностью, поскольку многие мои знакомые не только читают, но еще и пишут книги).

Это, конечно, не значит, что я пытаюсь

убедить своих коллег забросить писательство. «Писательское искусство на высшем уровне все же выше искусства высокого отказа от писательства», — пишет Лео Штраус в своих комментариях к «Пиру» Платона. Поэтому давайте писать наши книги только тогда, когда у нас есть что сказать. Нельзя писать только потому, что нас принуждают. Уж лучше не рыться в остывшем пепле, уж лучше выбрать — и эти слова относятся ко всем нам — свободу от писания, поскольку всем от этого станет лучше. Убедительные аргументы в пользу высокого отказа от писательства читатель найдет в [1, с. 250].

Я помню, как в детстве мама периодически подзывала меня к дверному косяку, на котором черточками последовательно отмечались изменения моего роста, подтверждая взросление: 80 см, 90, потом 100 — «ну, хорошо, похоже, карликом он не будет», — говорила мама своим подругам. Когда же редакция журнала „Res Publika Nowa” [2] попросила меня составить список книг, повлиявших на мой характер, я (как когда-то моя мама) задумался над тем, действительно ли все эти годы — восьмидесятые, девяностые, первое десятилетие нового века, — я рос все выше с каждой прочитанной книгой или же просто-напросто толстел? Читал ли я книги для того, чтобы набраться мудрости, или только потому, что ничего другого в жизни не умею?

Снобизм

Я, конечно, старался читать хорошие книги — в этом-то я уверен. Но бывало, что я засыпал на первых же страницах. Кто-то может спросить: зачем же я вообще их читал? Ну что ж, из чистого снобизма; они ведь считались важными в кругу моих знакомых, которые мне тогда импонировали своей эрудицией. Были и такие, которые я так никогда и не прочел, хоть я и делал вид, что они произвели на меня неизгладимое впечатление.

Я рос в мире, в котором незнание неко-

торых текстов компрометировало, а неп прочтение определенных книг попросту исключало из «компании» (т.е. тех вечеринок, на которых братия выпивала с таким же пафосом, с каким обсуждала «Материю и память» А. Бергсона). Но это уже в прошлом. Сегодня практически все мы — хоть кто-то, быть может, все еще читает круглосуточно — «зарабатываем» тем, что не читаем. Ведь нельзя всерьез утверждать, что мы читаем все подряд — это было бы невозможно. Как раз наоборот: отказ от чтения стал неизбежностью, нормой, хорошим тоном. Я не раз задумывался над этой переменной, но только отличный очерк Пьера Байяра «Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали» [3] позволил мне осмыслить масштаб и значение этого отказа.

Природа и культура

Оказывается, книги можно не читать по-разному. Кроме самого безмозглого метода, т.е. простого отказа от прикосновения к печатному слову, можно не читать по-умному, пример чему мы найдем в романе Роберта Музиля «Человек без свойств». Один из героев этого текста, библиотекарь, подчеркивает важность своего правила никогда не открывать книг, с которыми он работает. Ведь тот, кто принимает всерьез содержание и суть этих книг, — «потерян как библиотекарь». Один из самых повторяемых стереотипов о чтении гласит, что лишь тот, кто прочел книгу, может о ней судить. Ничто не может быть дальше от истины! Библиотекарь Музиля не прочел ни одной книги, но он совершенно не может представить себе жизни без этих книг, и он никогда не согласится, что кто-то может знать их лучше него. Его антипод — это Петрушка, слуга Чичикова, который страстно читает все подряд, что бы ему ни попало в руки, при этом не понимая ни слова, не улавливая смысла ни одной фразы. И если первый — профессор библиотековедения — смакует молчание слов, Петрушку захва-

тывает голос книг, звук чтения вслух – неважно, будут ли это задачки по химии или сонеты Петрарки. Библиотекарь из-за своего отказа от чтения получает «познавательное» удовлетворение, а слуга получает чисто эстетическое удовольствие, если не от самой книги, то (хотя бы) от ее шума.

Для русского слуги книги – часть поющей *природы*, в то время как библиотекарь видит в них отдельные составляющие части, из которых складывается *культура*. Выходит, что важно не чтение само по себе, а скорее стремление понять то целое, которое составляют книги. И не их содержание – случайное, переменное, субъективное – имеет значение, а соотношение, в котором они находятся с иными частицами целого. Сами же по себе эти оторванные от целого фрагменты значения не имеют. «Настоящая культура, – пишет Байяр, – должна стремиться к полноте, а не сводиться к накоплению отдельных кусочков знания. И поиски такой полноты дают возможность по-другому посмотреть на каждую книгу, пренебрегая ее индивидуальными свойствами ради того, чтобы понять, какие соотношения связывают ее с другими» [3, с. 19]. Мы понимаем, что интеллигентность, культура мышления, внутренняя гармония вовсе не зависят от количества прочитанного, а уж тем более от «галочек», поставленных возле модных заглавий книг из списков бестселлеров. Как пишет Байяр, важно совсем другое: нужно научиться ориентироваться в том огромном книжном космосе, который совсем рядом: в наших домашних книжных шкафах, где притаились сотни непрочитанных книг; в университетской библиотеке, где мы могли навеки исчезнуть в бесконечном чтении, канув, как камень в воду, на тысячу лет. А значит, наша связь с книгами по необходимости должна быть неоднозначной, и никак нельзя ограничивать ее до чтения как такового; последнее не является ни единственным, ни тем более исключительным видом возможных взаимоотношений с книгами. Мы загляды-

ваем в книгу как в источник мыслей, интересных высказываний, как в некий резервуар удовольствия. Мы листаем книгу, просматриваем ее, роемся в индексе, отслеживаем сноски, любовно поглаживаем переплеты, расставляем книги на полке, переставляем еще раз, укладываем по размерам, цветам обложки, по сериям (Классики и Современники, ЖЗЛ и т.д.). Книги мы продаем и покупаем, крадем и дарим нашим друзьям или врагам.

К примеру, книга «Евреи» Анджея Жбиковского (1997), изданная в Нижней Силезии в серии «А это и есть Польша», настолько вошла в обиход в криминальном мире как знак грядущей кровавой вендетты, что пришлось издавать это произведение повторно, уже более высоким тиражом. Вот как эта история была описана в прессе:

«Не пытайся объяснять и примеры подавать, ибо мудрость в том как раз, что от ветра свет погас» – читает вслух посвящение на книге «Толстый Ирек». Компания шумно аплодирует, поднимает бокалы, чокается. 1997 год, рождественская вечеринка в самом разгаре. В пиццерии Трио на площади в городке Згез недалеко от Лодзи – побратимская вечеря местных гангстеров. «Толстый Ирек» сияет. Книгу *Евреи* Анджея Жбиковского только что подарил ему сам «Папаша». Объятия были самыми сердечными. Господа эти – шефы местной мафии, которую пресса окрестила «осьминогом», издавна конкурировавшие между собой за главное место в организации. Но теперь – все мир и благообразие. Под посвящением «Папаша» написал еще кое-что: «Книгу прошу прочесть внимательно». Вот только «Толстый Ирек» этого сделать уже не успел. Звонок на мобильник выманил его из ресторана. Занятый разговором, «Толстый Ирек» садится в свой Мерседес класса Е. Поворачивает ключик. И тут раздаются выстрелы. Первый выстрел – промах, пуля застревает в кузове. Второй разрывает голову «Толстого Ирека» на части – в ход пошла пуля со спиленной верхушкой. А в пиццерии «Папа-

ша” благосклонно принимает поздравления, как теперь уже единственный шеф “осьминога”. Теперь он командует городом» [4].

И наконец – переезд, мы собираем вещи, укладываем и грузим всю свою жизнь вместе с собакой, детьми и нашими книгами – на беду носильщикам, для которых это, скорее всего, будет единственным и неповторимым моментом контакта с полным собранием сочинений Гуссерля или Гегеля.

Литературная амнезия

Отказ от чтения – чистейшее благо тогда, когда мы сами собираемся писать. Ведь излишек тяготит не только рабочих, верблюдов и прочих вьючных животных – он может послужить надгробием и для нашего собственного вдохновения. Читая других, мы так или иначе им подчиняемся, увязнув в тине чужих аллюзий, домыслов, гипотез, вместо того чтобы строить свое и по-своему. Непрестанно повторяя: «Я еще не читал этого, этого и еще вот этого», – мы никак не сдвинемся с места в собственной творческой работе. Чтобы писать, придется учиться искусству отказа, которое в той же мере основано на знании, что и на умело скрываемом невежестве. А кроме того – на творческой амнезии. Что это значит?

Не так давно мы с коллегой по редакции, Мартином Рихтером, ехали куда-то, коротая дорогу за беседой о книге Пьера Байяра. Мартин обратил мое внимание на рассказ Патрика Зюскинда «Литературная амнезия» (1998). Проблема главного героя состоит в том, что старую, давным-давно прочитанную книгу, он принимает за новинку. «Болезнь» эта связана с полной потерей литературной памяти, когда прочитанное путается с еще нетронутым. Все это я выслушал с живейшим интересом. Вообразите себе мое удивление, когда я обнаружил у себя дома ту самую книгу Зюскинда, – и, как оказалось, не только давным-давно прочитанную, но и основательно ис-

пещренную моими собственными записками на полях. И ничего из этого я не запомнил! Почему же такую забывчивость можно назвать творческой? Моя версия такова: забывая книгу Зюскинда, вычеркивая ее из своего сознания, я тем самым освободил место для какой-то другой книги, быть может, как раз книги Байяра. К счастью, симптомы моей «болезни» оказались настолько повсеместны, что я уже перестал особо переживать по этому поводу. Как пишет Монтень: «... мне приходилось не раз брать в руки как совершенно новые и неизвестные мне книги, которые несколько лет тому назад я тщательно читал и испещрил своими замечаниями» [5]. Конечно, можно пытаться делать вид, что расшифровка собственных сокращений, созерцание своих старых пометок на полях, всех этих забавных язвительных замечаний в адрес автора – все это поиски самого себя. У меня так не получается. Я попросту не узнаю своих старых богов и увлечений, не могу понять состояния души, в которое приводили меня эти – тогда живые, а теперь совершенно забытые – книги. И мой почерк на полях мне настолько чужд, что, кажется, все эти записки сделаны совершенно посторонней рукой. Кто это писал? Кто я такой? Кем я был? – Загадка!

Книги незабываемые

Мы никогда не помним книги с начала до конца (это невозможно), скорее, мы удерживаем в памяти только некий общий смысл, очертание, отдельные фрагменты, которые чаще всего смешаны с фрагментами и сутью других книг. Более того, читая “толстую” книгу, многотомный роман, например «Человека без свойств», мы не раз ловим себя на том, что к концу третьего тома уже не помним, кем была Бонадея и что именно коллекционировал генерал фон Штумм (перочинные ножички). Но все же не забудем, что эта забывчивость так же нераздельно связана с чтением, как хорошая память или очки. Излишек мышления,

расточительность мысли, фантазии, склонность к вымыслам и даже пристрастие к сплетням – все это дань, которую мы вынуждены отдавать забвению.

Антитезой нечеткости и непрочности моих воспоминаний не будет, как могло бы казаться, стремление удержать в памяти все важные события и мелочи, все эти фамилии-имена-отчества, забавные происшествия, волнующие заходы (или восходы) солнца – всю эту пеструю массу деталей, которая совершенно естественно и закономерно уплывает в забвение. Противоположностью этой зыбкости является императив *незабвенности*, о котором так интересно пишет Джорджо Агамбен:

«Несмотря на труды и старания всевозможных историков, писцов и архивистов, величина того, что безвозвратно теряется в личной и общественной истории, гораздо превышает сумму всего того, что удастся собрать и записать в архиве памяти. В любой момент мера забвения и разрухи, онтологический излишек, который мы носим в себе, далеко превосходит возможности нашей памяти и перечеркивает все наши отчаянные старания сохранения этой массы в коллективном или личном сознании. А все же, в бесформенном хаосе того, что кануло в забвение, не царствует ни беспорядок, ни бессилие, а наоборот, этот хаос действует внутри нас не менее мощно, чем осознанные воспоминания, хоть и в несколько ином качестве. Забытое наделено силой и способностью действия, которые нельзя измерить мерой осознанной памяти, нельзя собрать в форме знаний, тогда как статус каждого знания и каждого сознания определяется благодаря напору забытого. Забытое, утраченное не требует от нас памяти или почитания, оставаясь в нас и с нами в виде упущенного и исчезнувшего, и только поэтому не дает о себе забыть <...>. Поэтому дело не в выборе между памятью и забвением, беспмятством и осознанием. Важно наше умение оставаться верными тому, что забываемое – снова и снова – все же должно остаться

незабвенным. Забытое настойчиво требует от нас незабвенности, стремясь остаться в нас как некая возможность. <...> И если мы не в состоянии выполнить этот императив, если мы – как в коллективной, так и в индивидуальной плоскости – теряем связь с той громадой забытого, которая бредет за нами как некий безмолвствующий Голем, ушедшее непременно появится вновь, уже как нечто разрушительное, извращенное; вернется, как возвращенное вытесненное, т.е. – в форме невозможного как такового» [6, с. 39–41].

Процитированный фрагмент я первый раз прочитал на английском языке, и он долго оставался в моей памяти, пока в конце концов не исчез, чтобы вернуться ко мне в польском переводе [7, с. 54–55] – с не лишенным изящества пропуском фамилии Фрейда в последнем предложении.

Вещи, имена, происшествия из прошлого засыпают в нас, переходя в застывшее время; сила нашего восприятия с годами тускнеет – да, все это так. Однако это не освобождает нас от необходимости помнить о том, что незабвенно, хоть и забыто, поскольку «вторичная смерть» того, что уже однажды пропало, приведет к несчастью, втягивая нас в круг невозможного, в бездну безбрежной Леты.

*Сегодня, разбитое чудом, как бойким шаром,
В сон забытья закатилось,
А сладостное
Когда-то сызнава озафилося –
В черном сугробе – бело-угольным жаром.*

[8, с. 16] (перевод И. Ксезопольска).

Беседы с умершими

Чтение книг разрушает пространственно-временное измерение нашей жизни – отменяет течение времени, упраздняет самые далекие расстояния. Благодаря этому появляется возможность беседы с Великими Умершими, которые учат читателя мудрости, передавая ему свою колдовскую силу. И наоборот: листая Шекспира или

Платона, читатель сближается с ними, возвращая их в жизнь, перенося их в настоящее, противодействуя силе забвения. Внимательный читатель не просто поглощает книги; ему чужда болезнь познавательной булимии, затягивающая случайных книгоедов в пучину несметных — и чаще всего ничего не стоящих — «книжных новинок». Наше отношение к печатному слову должно определяться не новинками, а памятью о старейших книгах, написанных давным-давно. Между тем нас тянет к чему-то другому. Мы предпочитаем погоню за пустыми обещаниями, прельщающими самые светлые головы, во главе с самим Фаустом.

«И все же банальность — это соблазн. Для того чтобы обойтись без чтения, мы выдумываем разные стратегии отвлечений, которые превращают нас в булимических потребителей, для которых важна не память, а новизна. Мы премируем тривиальность и меркантильность, тем самым подрывая авторитет интеллектуальной деятельности, мы подменяем нравственные и эстетические ценности чисто финансовыми понятиями, мы пытаемся заменить прелесть преодоления трудностей, милую неспешность чтения — иллюзией всеобщей болтовни (*universal chatting*) и развлечением, приносящими мгновенное удовлетворение. Мы противопоставляем печатный станок белесому экрану компьютера, выбирая пресыщение бесконечных сетей, с их пресловутым изобилием и сиюминутностью вместо настоящих библиотек, из бумаги и камня, существующих в пространстве и времени» [9, с. 2; см.: 10].

Технократы при поддержке интеллектуальных бездельников-чиновников пытаются убедить нас, что на прошлом давно пора поставить крест. Что прошлое не стоит ломаного гроша, его попросту нет. Что мы ничего не должны умершим. Единственно ценное — дело будущего; то, чем заняты сами технократы, — их грядущие изобретения. И поэтому они стараются любой ценой отрезать полноценных людей от минув-

шего, от всего, что закодировано где-то глубоко в наших сердцах и умах помимо всех меркантильных расчётов. Они пытаются, по большому счету, отучить нас от искусства чтения, изо всех сил доказывая превосходство изображения над символической записью. Они создают очередные программы, которые могут, конечно, помочь кому-то расписать пещеру Ласко, но для полноценного человека, с живой волевой памятью и желанием побеседовать с Великими Умершими они совершенно бесполезны.

Читать и писать

Остается еще вопрос перевода на чужой язык собственной мысли. Это довольно загадочный процесс, в котором моя мысль полностью отделяется от меня, превращаясь в «невозможную», «невообразимую» мысль (ну, разве что мне посчастливилось принадлежать к редкому виду дву- или многоязычных существ). И еще полбеда, если целевой язык мне совершенно чужд и незнаком (скажем, венгерский), если написанные мной (и в то же время не мной) предложения просто молчат, как заколдованные. Но что поделать, когда мои мысли предстают передо мной на понятном, хоть и не собственном, не родном языке; когда они не только говорят нечто иное, но и говорят это иначе, например, лаконичнее? Я хотел бы, чтобы меня так читали? К счастью, над этим задумываются немногие. Только эксцентрики читают собственные книги, поскольку читать и писать — это действия совершенно разного порядка, что бы нам ни рассказывали об этом в школе. Убедился в этом в детстве Марсель Райх-Раницкий, который в своих «Воспоминаниях» описывает забавную историю: «Нянька, которая мной занималась, ради развлечения учила меня читать — между прочим и без особого труда. Я довольно быстро это усвоил, вот только никому не пришло в голову показать мне, как пишутся буквы» [11, с. 14].

В определенном возрасте мы перестаем читать книги. Поэтому я настоятельно со-

ветую студентам читать, пока они еще это могут, поскольку очень скоро (как только пройдут студенческие годы) им уже будет не до этого. А они не верят. Им кажется, что любопытство и понятливость – привилегии молодости – им принадлежат и останутся с ними навсегда. А ведь со временем чтение приносит все меньше удовлетворения. Почему же мы по-прежнему читаем? Иногда для заработка (когда настолько повезло, что нам платят за чтение), иногда по силе привычки, а иногда еще и потому, что это у нас довольно хорошо получается – уж точно лучше, чем у тех, кто только учится находить свой путь в лабиринте культуры.

Подведем итоги: итак, эрудиция не равна сумме прочитанных книг. Эрудиция – это умение ориентироваться в культуре, признавая собственные читательские ограничения и возможности. И прочитанные, и непрочитанные книги складываются в единую библиотеку, которую можно – и даже нужно – знать без чтения. Таким образом, мы преодолеваем сопротивление нечитанных книг благодаря всему тому, что было нами прочитано. (Именно так я понимаю титанический замысел Тадеуша Гадача, его идею создания *opus magnum* для будущих поколений. А все же этот автор отличается от библиотекаря Музиля тем, что не только знает книги без чтения, но еще и пишет эти книги). Отдельная книга, выдернутая с полки, потерявшая контекст и связь с другими книгами, – это «вещь сама в себе», невозможная книга, несуществующая книга. Но ведь ее определяют не только другие книги. Здесь имеют значение и впечатления читателей, которые заранее критически настроены к книгам (так называемых литературных критиков), и всевозможные идеи издателей, руководителей отделов рекламы, продавцов книг (что появится на витрине, а что нет) и так далее. Все это: мнения, критика, решения, выборы, – если вслушаться, – открывает перед нами любую книгу, даже нечитанную.

Чтению книг сопутствует и борьба за

признание, которая ведется потихоньку в кулуарах. Звание судьи, арбитра вкуса и литературного изящества чаще всего присваивают себе люди, не имеющие никакого понятия о книгах и чтении. Литературное творчество и философия, по их мнению, существуют только для того, чтобы можно было выставить им оценку. И все же именно они принимают решения о том, что достойно внимания, а что будет названо полуфабрикатом, недоделкой, кичем, плодом разгулявшегося воображения. К примеру, в большинстве случаев научные работы оцениваются второстепенными профессорами, протокольный стиль которых не позволяет им печататься в высокотиражных изданиях или признанных профессиональных журналах. И они, как вольтеровский мизантроп, измышляют очередные комитеты и подкомитеты при ответственных центрах, растрачивая в результате финансовые средства и дотации на издательский мусор, который впоследствии попадает в студенческие портфели. Вот и получается, что книги сами по себе, будь они даже продуктом замечательных или, по крайней мере, талантливых писателей, значат относительно мало, поскольку где-то на заднем плане, за спинами этих ученых, ведется непонятная игра, ставка в которой есть право выдачи по их поводу авторитетного мнения. Единственной защитой творческого человека перед чиновниками науки и культуры остается стиль. Поэтому ни в коем случае нельзя вдаваться в полемику, разборки и баталии с чиновниками. Ведь результат этой схватки заранее известен: человек творчества воюет пером, «они» же – во всеоружии власти и связей.

Напоследок я бы хотел вернуться к изначальному вопросу: существуют ли такие книги, незнание которых нас компрометирует? Естественно, но все зависит от ситуации. Можно представить себе игру для нескольких человек. Каждый должен найти какую-то общеизвестную книгу, которой сам не читал. Выигрывает тот, кто на-

звал книгу, которую читали все, кроме него самого. Наверное, для меня не было бы слишком большим конфузом, если бы я выиграл с «Жилетом» Пруса. Но если бы я задал своим студентам чтение «Антропологии» Канта, а потом сыграл бы с ними в эту игру и победил – вот это уже другое дело. Незнание этой книги скомпрометировало бы меня так же, как незнание «Гамлета» – некоего профессора английской литературы:

«В третьем туре вперед вышел Сай с “Песнью о Гайавате”, так как единственным, кто не читал ее, оказался мистер Лоу. И тут внезапно Говард стукнул кулаком по столу и, вскочив с высоко поднятой головой, объявил: “Гамлет”! Конечно, нас это рассмешило, но не до слез, поскольку шутка показалась неудачной. Оказалось, что он и впрямь не шутит. Говард сказал, что видел фильм с Лоуренсом Оливье, а насчет текста пьесы он упорствовал, что никогда не читал его. Конечно, никто ему не поверил, и он разобиделся в пух и прах. Он спросил, не думаем ли мы, что он врет, и Сай более или менее дал понять, что так оно и есть. Это привело Говарда в дикую ярость, и он собрался клясться на крови, что пьесы он не читал. Сай сквозь зубы извинился за выраженное им сомнение. К тому времени, конечно, народ протрезвел и пришел в замешательство. Говард ушел, а мы посидели еще некоторое время, пытаясь делать вид, что ничего не произошло» [12].

Получается, что бывают ситуации, в которых незнание книги – стыд и позор, то есть когда обнаруженный недостаток образования абсолютно неприемлем. Промах нашего профессора Говарда заключался не столько в том, что он не знал литературного произведения, которое входило в списки обязательного чтения для каждого сту-

дента, сколько в том, что он был на этом пойман с поличным.

Наперекор современной моде и мировым тенденциям я считаю, что все же стоит читать книги, хотя бы потому, что это прекрасное и полезное занятие. Кое-что можно, конечно, и просто пролистать. Следует все же сделать исключение для философских трудов, поскольку таким образом мы рискуем (вернее, мы обречены) пропустить то важное, что ранее оставалось незамеченным.

Литература

1. Strauss L. On Plato's Symposium, Chicago-London: University of Chicago Press, 2001.
2. Nowak P. O czytaniu // Res Publica Nowa. 2009. № 8.
3. Байяр П. Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали / Пер. А. Поповой. М.: Текст, 2014.
4. Banasiak M. Jak “Tato” ośmiornicę hodował // Gazeta Wyborcza. 2000. June, 13.
5. Монтень М. Опыты. Избранные произведения в 3-х т. Т. 2. М.: Голос, 1992.
6. Agamben G. The Time that Remains: A Commentary on the Letter to the Romans. Stanford, CA: Stanford UP, 2005.
7. Agamben G. Czas, który zostaje. Komentarz do Listu do Rzymian. Przeł. S. Królak. Warszawa: Sic!, 2009.
8. Pawlikowska-Jasnorzewska M. Sen Opaczny. Poezje. Tom 1. Warszawa: Czytelnik, 1974.
9. Manguel A. A History of Reading. New York: Penguin Books, 2014.
10. Nowak P. Wstęp. Platon, Uczta. Przeł. A. Serafin. Warszawa: Sic!, 2012.
11. Reich-Ranicki M. Moje życie. Przeł. J. Korprowski, M. Misiorny. Warszawa: Muza, 2000.
12. Лодж Д. Академический обмен (Повесть о двух кампусах). М.: Независимая газета, 2000.

Статья поступила в редакцию 13.07.15.

TO EMPTY THE SEA WITH A THIMBLE: READERLY EXPLOITS,
DISCOVERIES AND LOSSES

NOWAK Piotr – PhD (dr hab.), Professor, University of Białystok, Department of Moral Philosophy, “Kronos” philosophical quarterly deputy editor in chief. Białystok, Poland. E-mail: nowakub@gmail.com.

Abstract. From the late forties of 20th century and until 1989, the year which many of my readers in Poland will associate with the end of censure, publishing houses were highly cautious and selective in their production of outstanding works of literature, philosophy and other scholarly works. It appears that we are still trying to compensate for these years of communist dry spell. The avalanche of attention-worthy books keeps growing, bursting into our already well-stocked bookshelves, in direct proportion, it seems, to the growing crisis of literacy and rising inflation of education. Still, to purchase books is not quite the same as to read them. Therefore we may divide contemporary society into two categories based on people's attitude to books. On the one hand, there will be the minority of those who read ceaselessly, even obsessively; on the other – those who never touch books unless planning to make a purchase. This essay examines the consequences of non-reading for culture. The author investigates the phenomenon of non-reading in its broadest sense, discussing different attitudes to this problem as well as diverse varieties of non-reading.

Keywords: Bayard, reading, memory, culture, Agamben

References

1. Strauss, L. (2001). *On Plato's Symposium*, Chicago-London: University of Chicago Press.
2. Nowak, P. (2009). O czytaniu [On Reading]. *Res Publica Nowa*. No. 8. (In Polish).
3. Bayard, P. (2014). *Iskusstvo rassuzhdat' o knigakh, kotorykh vy ne chitali* [How to Talk About Books You Haven't Read]. Trans. by A. Popova. Moscow: Text Publ. (In Russ.)
4. Banasiak, M. (2000). *Jak "Tato" ośmiornicę hodował* [How 'Father' Bred the Octopus]. *Gazeta Wyborcza*. June, 13. (In Polish).
5. Montaigne, M. (1992). *Opyty. Izbrannyye proizvedeniya v 3-kh tomakh*. [Trials. Selected Works in 3 volumes]. Vol. 2. Moscow: Golos Publ. (In Russ.)
6. Agamben, G. (2005). *The Time that Remains: A Commentary on the Letter to the Romans*. Stanford, CA: Stanford UP.
7. Agamben, G. (2009). *Czas, który zostaje. Komentarz do Listu do Rzymian* [The Time that Remains: A Commentary on the Letter to the Romans]. Trans. S. Królak. Warsaw: Sic! Publ. (In Polish).
8. Pawlikowska-Jasnorzewska, M. (1974). *Sen Opaćzny. Poezje. Tom 1* [A Dream Amiss. Poems]. Vol. 1. Warsaw: Czytelnik Publ. (In Polish).
9. Manguel, A. (2014). *A History of Reading*. New York: Penguin Books.
10. Nowak, P. (2012). *Wstęp. Platon, Uczta* [Introduction. Plato, Symposium]. Trans. by A. Serafin. Warsaw: Sic! Publ. (In Polish).
11. Reich-Ranicki, M. (2000). *Moje życie* [My life]. Trans. by J. Koprowski, M. Misiorny. Warsaw: Muza Publ. (In Polish).
12. Lodge, D. (2000). *Akademicheskii obmen (Povest' o dvukh kampusakh)* [Changing Places: A Tale of Two Campuses]. Moscow: Independent Newspaper Publ. (In Russ.)

The paper was submitted 13.07.15.